

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

В. В. Черникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 июня 2013 г.

Аннотация: в статье анализируется политический процесс становления региональной идентичности в России в начале XXI в. Рассматривается формирование идентичности в Воронежской области как пример территориального сообщества.

Ключевые слова: идентичность, регион, социально-территориальная система, политическое сознание, гражданское общество.

Abstract: this article is devoted to the political process of formation of regional identity in Russia at the beginning of the 21st century. We discuss creating identity in the Voronezh region as an example of a territorial community.

Key words: identity of the region, socio-territorial system, political consciousness, civil society.

Изучению региональной идентичности в научной литературе в последнее время стали уделять значительное внимание. Попытки разобраться в этом явлении предпринимаются социологами, политологами, географами и историками. Практически для каждой научной сферы здесь есть свой предмет исследования. С разных позиций даются и определения региональной идентичности. Не ставя задачи изучения теоретического дискурса проблемы дефиниции региональной идентичности, используем подход Роджерса Брубейк и Фредерика Купера. Они разделили все существующие определения на пять групп в зависимости от того, с какими целями используется термин и что с его помощью предполагается подчеркнуть:

идентичность как глубинное индивидуальное свойство;

идентичность как коллективное явление, фундаментальное и последовательное тождество между членами одной группы или категории;

идентичность как фундамент социальной или политической активности, неинструментальная, в отличие от «интереса», основа социальной и политической практики;

идентичность как продукт социальной или политической активности, процессуальное развитие того вида коллективного самопонимания, которое делает возможным коллективное действие;

идентичность как случайный продукт многочисленных и соревнующихся дискурсов [1]. Более под-

ходящим нам представляется вариант понимания идентичности как продукта социальной или политической активности, в чем мы солидарны с А. Анисимовой и О. Ечевской [2, с. 63].

В то же время региональная идентичность – это «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве. Региональную идентичность можно рассматривать как структурное образование со своим содержанием, мерой стойкости и противодействием влиянию извне» [там же].

Потребность в формировании региональной идентичности во многом связана с особенностями социально-культурной жизни территориальных систем.

Коллективная жизнь в рамках социально-территориальной системы обусловлена общим типом хозяйства, который накладывает определенный отпечаток на характер взаимодействия индивидов, их традиции, жизненный стиль. Однако наряду с естественно складывающейся идентичностью, формирующейся в общественном сознании под воздействием объективных факторов и потребности в самоидентификации, идентичность может становиться политическим проектом, стимулирующим формирование единого регионального сообщества, разделяющего общие ценности и стремящегося к реализации общих целей.

Формирование региональной идентичности во многом является конструируемым проектом, необходимым в изменяющемся социуме. С одной стороны,

интеграционные и глобализационные процессы нивелируют различия в социальном и культурном плане, с другой – возрастает стремление локальных сообществ к сохранению собственного уклада жизни, особенностей, присущих своему региону. Кроме того, стимулируется интерес к региону как социально-территориальной системе.

Разные варианты конструируемых идентичностей могут преследовать разные цели: от стремления к развитию собственной территории в рамках конкуренции с другими равностатусными регионами до непримиримой оппозиции всей государственной социально-территориальной системе и ближайшим соседям. Радикальные варианты могут содержать цели сецессии или ирреденты. Однако большинство проектов носят конструктивный характер.

Довольно четко и образно высказался М. П. Крылов: «РИ – способность к социокультурной, гражданской и экономической активности. РИ – это не «стратегия Обломова», а «воля к жизни и развитию на данной территории». Самосознание – шаг к самоорганизации. Осознание своей специфики – это осознание своей оригинальности, нестандартности, индивидуальности, а тем самым и некорректности спускаемых сверху шаблонных волюнтаристских решений, разрушающих процессы самоорганизации» (цит. по: [3]).

В 2000-е гг. в России активизируется процесс формирования региональной идентичности. Во многом это связано с предшествующим историческим опытом. В советский период, да и ранее, границы регионов были неустойчивыми, многократно изменялись по решению центральной власти. Это наложило отпечаток на рефлексию населения пограничных районов, часто воспринимающих себя как носителей ментальности соседних регионов. Это проявляется в различных стереотипах и самовосприятии, в том числе оценке границ территории своего региона.

Нами был проведен экспертный опрос жителей Воронежа. В состав экспертов были выбраны историки-краеведы, работники администрации г. Воронежа и Воронежской области, специалисты в сфере брэндинга территорий, активисты общественных организаций в области экологии защиты культурного наследия, политологи.

В ответах экспертов отчасти наблюдается рефлексия исторического опыта существования Воронежской области в больших границах. В частности, им был задан вопрос: «Воронежская область на протяжении истории неоднократно меняла свои границы. Какие территории, по Вашему мнению, должны входить /или не входить в нее?». Большинство ответивших отметили, что Воронежская область должна оставаться в нынешних границах. Некоторые эксперты (14 %) указали на возможность и желательность

вхождения Липецкой области (рис. 1). Ни один из экспертов не выбрал варианта ответа, предлагающего существование в более узких границах.

Рис. 1

Рассматривая идентичность как продукт социальной и политической активности, нужно заметить, что воздействие на региональное сознание происходит аналогично воздействию на сознание граждан какого-либо государства или социальной группы.

Идентичность обычно формируется при взаимодействии (столкновении) с «другим» как ответ о самоидентификации группы. Конструирование идентичности происходит не на пустом месте. Н. А. Коровникова, опираясь на исследование В. С. Комаровского, в докладе на Шестом конгрессе политологов выделила три составляющие идентичности: «1) наше прошлое, его интерпретация; 2) воображаемое коллективное «мы», наши принципы, нормы, ценности; 3) «мы» и другие нации, государства. Тогда очевидным становится тот факт, что характер идентификационных процессов на всех этапах, в первую очередь, определяется таким инструментом, как *коллективная память*, аккумулирующая в себе наиболее устойчивых ментальных образований в общественном сознании» [4].

Коллективная память на региональном уровне может проявляться не только в рефлексии исторических событий, но и совместном переживании общих бед, тяжелых испытаний и – как противовес негативному опыту – позитивные воспоминания, гордость за выдающихся земляков и т.д.

Эмпирические наблюдения и различные исследования в российских регионах позволяют выделить факторы, способствующие формированию региональной идентичности: исторический, географический, экономический, фактор лидера, «кризис советской идентичности», «москворочество» и экологический. Более подробно данные факторы описаны в статье «Становление региональной идентичности в современной России» [5].

1. *Исторический фактор* проявляется в том, что самоорганизация населения происходит вокруг исто-

рических фактов, значимых для данной местности. Особую роль здесь играет историческая память, которая связана с реальными историческими событиями и их интерпретациями. На основании исторической памяти формируется региональная мифология, облекаемая в легенды, исторические памятники, значимые даты.

В российском варианте историческая память связана с тем, что «официальная история», озвучиваемая в СССР и отчасти после, имела многочисленные пробелы и несоответствия, которые стали наполняться региональными проекциями исторических событий. Примечательно, что многие региональные мифы связаны с Петром I, в том числе и в Воронежской области. Историческая память связана с героизацией прошлого («Воронеж – город воинской славы», празднование 70-летия освобождения Воронежа, перевоз памятника Черняховскому из Прибалтики и др.), поиском более глубоких корней существования города, области, идущих от дороссийской и раннерусской государственности (например, Костёнки, Хазарская крепость в Дивногорье, памятник ибн Фадлану в корпусе исторического факультета и т.д.).

Опрос экспертов показал хорошее знание некоторых официальных символов региона, в частности герба г. Воронежа. Только один из экспертов признался, что не знает старинный герб г. Воронежа.

Показательно и то, что коллективная память народа сохраняет образ региона в пространственных границах прошлого, в частности коллективная память восточной части Белгородской области сохраняет восприятие принадлежности к Воронежской (исследование А. А. Гриценко). Б. Б. Родоман назвал «устойчивое «посмертное» существование бывших государственных и административных границ и оконтуриваемых ими ментальных районов, которые полуподсознательно продолжают жить в своем виртуальном мире, косвенно проявляясь в высказываниях, суждениях местного населения. ... Как бы бессмертие души культурного ландшафта!» (цит. по: [6, с. 215]).

Влияние исторического фактора проявляется в росте численности различных историко-культурных и краеведческих сообществ, не все из которых оформлены в общественные объединения, как «Вантит», «Архдозор» и др.

2. *Географический фактор* непосредственно связан с пространственными характеристиками региона, формированием социально-территориальных систем. На уклад жизни регионального сообщества немалое влияние оказывает природно-географический фактор. Наличие лесов, рек, плодородных почв, специфика климата определяют характер хозяйствования. В Воронежской области сложились стереотипы на основании природных особенностей. Некоторые из них используются в качестве брэндов. В частности, наличие

черноземных почв воспринимается как богатство, ценность территории. Это рефлексировано в сознании населения и экспертов, а также отражается в самовосприятии сообщества. Зарегистрированный брэнд «Воронеж – столица Черноземья» охватывает сразу несколько географических характеристик: Черноземье как внутрисоюзный макрорегион; столичность, которая отражает факт, что Воронеж – самый крупный в данном регионе город.

Не менее значим фактор границы. Влияние государственной границы может по-разному воздействовать на формирование идентичности, но здесь особенно заметно взаимодействие с неким «другим», что стимулирует процесс самоопределения личности и коллектива. Географы обратили внимание, что в самом центре культурного района идентичность «дремлет», потому что не подвергается испытаниям, а на окраинах ареала она активизируется контактами с другими региональными идентичностями [7, с. 181]. Создание вернакулярных (обыденных) районов также во многом происходит под воздействием географического пространства, хотя они являются результатом общественного сознания.

Возникновение вернакулярных районов – длительный исторический процесс, однако в России XX в. таких районов исследователи выделяют незначительное число: Мещёра, Полесье. Исследования Рут Хейл показали, что в США почти две трети территории покрыты вернакулярными (обыденными) районами, которые прекрасно знают местные жители и их соседи, а это значит, что на столь обширной территории страны жителям присуще отчетливое региональное самосознание [8, с. 98]. Сегодня можно почти повсеместно наблюдать возрождение полузабытых районов (вроде Бежецкого верха в Тверской области) или появление совершенно новых (например, Прихоперьё на стыке нескольких областей).

В Воронежской области формируется несколько вернакулярных районов, которые обусловлены географическими особенностями пространства и имеют рефлексию в общественном сознании: Прихоперьё (протестная консолидация вокруг ситуации добычи никеля); Донское Белогорье (Подонье) – консолидация на основании исторического совместного существования, объединение общими корнями, природными достопримечательностями (Дон, меловые горы, пещерные храмы и монастыри), особенностями хозяйствования. Донское Белогорье местами выходит за пределы области, частично охватывая Белгородскую область. Подонье – территория, включающая и низинный берег Дона, осознание этого ареала тесно связано с казачеством. Подонье также выходит за границы Воронежской области, распространяясь на Ростовскую. С осознанием Подонья как ареала обитания тесно связано самоназвание, циркулирующее

в разных кругах, – «донцы». Наибольшее распространение этот термин получил у казачества. Наличие вернакулярных районов не отрицает присутствия общерегиональной идентичности.

3. *Экономический фактор* проявляется в рамках не только традиционного уклада регионального хозяйства, но и замкнутости производственных циклов, формирования традиционных межрегиональных связей. Например, Центральное Черноземье, Восточная Сибирь, Забайкалье, Поволжье и др. Поэтому и региональные бренды нередко охватывают именно эти сложившиеся хозяйственные комплексы («Воронеж – столица Черноземья»).

Экономический фактор воспринимается как один из главных ресурсов развития региона. Кроме того, тип хозяйствования часто оказывает значительное влияние на формирование культурных ценностей, жизненных стилей. Именно в экономической сфере разворачивается межрегиональная конкуренция, что приводит к утверждению образа «другого» в общественном сознании, появлению собственных мифов.

Эксперты на вопрос: «Ощущаете ли Вы конкуренцию со стороны жителей близлежащих территорий? Каких именно?» дали ответы, которые показывают наличие некоторой обеспокоенности конкуренцией со стороны соседей – 29 %. В то же время большинство экспертов полагают, что такой конкуренции нет – 71 %. При этом встречаются позиции, воспринимающие соседние регионы как недостаточно сильных соперников. Среди экспертов, отметивших давление других субъектов Федерации, упоминались Липецкая область (три раза), Белгородская (три раза), по одному разу Ростовская и Курская области.

4. *Фактор лидера*. Региональная идентичность может проявляться как в активной форме, когда региональное сообщество ощущает внешнее давление, так и в дормантной (дремлющей) форме, когда процессы, протекающие в социуме, не затрагивают жизненных интересов сообщества. Но для кристаллизации идентичности важную роль играет фактор лидера, активно воздействующего на общественное сознание. Таким лидером в российских условиях обычно является руководитель региона. Однако вполне могут возникнуть и другие альтернативные лидеры при наличии запроса на «региональную идентичность». Например, идею создания «сибирской нации» продвигают общественные организации «Сибирская национальная автономия» и «Сибирский державный союз» [2, с. 74].

В Воронежской области активную позицию занял губернатор А. В. Гордеев, осознающий, что региональная идентичность не только способствует развитию, но и повышает конкурентную привлекательность региона для экономического сотрудничества,

и не только. Как результат были осуществлены проекты реконструкции культовых исторических зданий – Усадьба Д. Веневитинова, началась реставрация Рамонского замка принцессы Ольденбургской, поддержан проект инициативной группы «Экологическая тропа» и др.

Для жителей региона «исторический облик» населенного пункта рассматривается как ценность. Экспертам в ходе опроса был задан вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением «нужно сделать всё возможное, чтобы сохранить различия в специфике архитектуры, внешнего облика городов»? Все, кроме одного эксперта, ответили утвердительно.

Хотелось бы остановиться на некоторых специфических факторах, характерных для российской действительности:

5. *«Кризис советской идентичности»*. Распад СССР, уход в прошлое советской идеологии вместе с общностью «советский народ» вызвали поиск новых смыслов и новых идентичностей. Запрос на самоорганизацию социума есть как на федеральном, так и на региональном уровнях. На федеральном уровне долго не могли найти национальную идею, способную консолидировать общество. Да и сегодня окончательной общероссийской национальной идеи пока не возникло. В этих условиях «любовь к малой Родине» стала возрождаться и выходить на передовые позиции, что подтверждали исследования (опросы общественного мнения) 1990-х гг. Впоследствии конструирование региональных мифов, закрытость пространства привели к устойчивому сохранению региональной ориентации жителей. Это подтверждает экспертный опрос. Экспертам был задан вопрос: «Что Вы ответите, если Вас спросят (в России, но вдали от вашей местности), откуда Вы? Ответы распределились следующим образом (рис. 2).

Повышенный интерес к местным проблемам, местному сообществу проявляется в желании быть в курсе событий в регионе. Эксперты продемонстрировали высокий интерес к внутрирегиональным новостям, к местной прессе (рис. 3).

50 % экспертов не обращают внимания на новости из других регионов, вторые 50 % интересуются новостями из других регионов. Основными мотивами интереса к другим российским территориям являются профессиональный и наличие родственников, друзей в регионе. Или как воспоминание о поездке. Наибольший интерес вызывает информация из Москвы и Санкт-Петербурга (по три эксперта указали эти субъекты), Калининграда (два), ЦФО (два). Упомянулись также Дальний Восток, Сахалин, Карелия, Урал, Ростовская область, Хабаровск, Пермь и Астрахань.

6. *«Москвоборчество»*. Противостояние Москве как центру, власти, которая принимает решения без

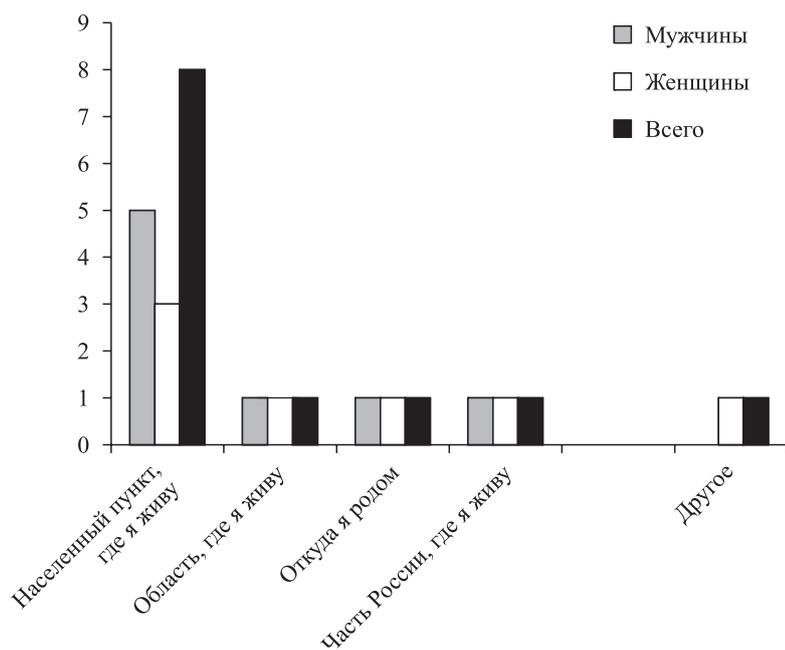

Рис. 2

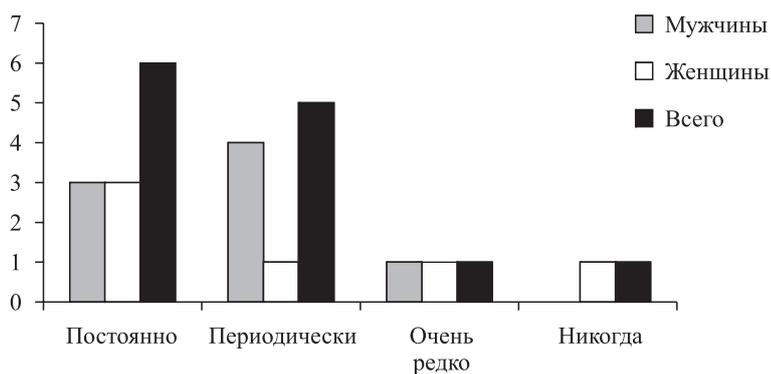

Рис. 3

учета региональных интересов, проявляется неодинаково в разные периоды и в разных регионах. В частности, для Воронежской области это было больше характерно в период до прихода А. В. Гордеева, хотя сохраняется и в настоящее время, а в Республике Карелия, сибирских регионах сейчас это выражается очень наглядно.

Наиболее сильно указанное проявляется в стереотипе: «Москвичи все скупили». Рефлексируется и в народном сознании. В частности, экспертам предлагалось вспомнить прозвища, высказывания жителей разных мест. Среди таких прозвищ прозвучали относящиеся к москвичам.

7. *Экологический фактор.* В региональном пространстве России экологический фактор, способствующий консолидации общества и формированию регионального сознания, выходит на первый план. Экологические проблемы сохранения Байкала, защиты природных ресурсов Сибири способствовали самоорганизации населения. Создание «сибирской нации» отчасти стало ответом на вызов нещадной

эксплуатации природных ресурсов. Появление экологической угрозы способствует выходу идентичности из дормантного состояния. Сегодня мы наблюдаем процесс в отношении добычи никеля в Воронежской области, когда несогласие населения с разработкой никелевого месторождения проявляется в различных действиях: от пикетов до наклеивания листовок на свой автомобиль. Или интернет-голосование в поддержку Хопёрского заповедника.

Значимость экологического фактора отразилась и в ответах экспертов. Им был задан вопрос: «Одобряете ли вы деятельность организаций по защите окружающей среды и культурного наследия?». Все эксперты ответили утвердительно.

Следует обратить внимание на то, что в российской науке сложились два взгляда на региональную идентичность. Один из них – она является предвестником сепаратизма, поэтому явление негативное. Другая точка зрения заключается в том, что региональная идентичность не связана с сепаратизмом, наоборот, это позитивный процесс, укрепляющий и общегосударственные ценности. Для Воронежской области сепаратистские настроения нехарактерны, хотя случаи противостояния встречаются, как и консолидация сообщества против внешнего «другого», наиболее сильным из которых выступает центр. Акция поджога местными жителями и протестующими лагеря геологов на

никелевом месторождении является примером радикальной протестной консолидации.

Формирование протестной идентичности не предполагает отделения от России, не отвергает идеи общероссийской нации, а лишь обращает внимание на специфику региона, на его проблемы, культурные и ментальные особенности жителей.

«Особость» региона проявляется в осознании того, что его жители отличаются от других. Только 7 % экспертов считают, что земляки не отличаются от жителей других регионов. Экспертам был задан вопрос: «Если Вы считаете, что Ваши земляки отличаются от жителей других регионов, то в лучшую или худшую сторону?». 46 % из тех, кто считает, что отличаются от других россиян, отметили, что «они просто другие». 38 % полагают, что они отличаются в худшую сторону, при этом женщины более критично настроены к своим землякам. Мужчины же, наоборот, более благожелательны. 16 % полагают, что воронежцы отличаются в лучшую сторону. К сожалению, среди этих 16 % женщин нет.

Хочется остановиться на особенностях региональной идентичности в России и ее проявлении в Воронежской области.

Во-первых, данная идентичность имеет многоуровневый характер. Наряду с общероссийской может существовать и региональная. Так, 50 % экспертов отметили, что для них важно ощущать свою принадлежность к России. К сожалению, число экспертов, готовых покинуть страну (при этом гордящихся краем), столько же – 50 %. Это тревожный сигнал для общегосударственной идентичности.

Для большинства регионов характерна «множественная» идентичность. Например, «официальная», которая конструируется руководством, опирается на официальные источники, признанные факты. Здесь создаются образы, выгодные для позиционирования региона на внешнем поле. «Народная», которая может оспаривать официальные конструкты, апеллируя к народной памяти, сложившимся мифам, коллективной памяти. Здесь формируются символы, близкие и понятные населению, нередко не вписывающиеся в официальную идеологию.

В Воронежской области нет жесткого противопоставления «официальной» и «народной» идентичностей. Однако некоторые варианты противостояния встречаются. Например, спор о дате основания Воронежа. Официально признанная версия – 1586 г. Население не поддерживает эту версию, полагая, что Воронеж более древний, ссылаясь на летописи и другие документы. При этом знания мифологизируются.

Во-вторых, носителями активной региональной идентичности являются не все жители, а меньшинство. Расширение численности этого меньшинства происходит только в результате столкновения общества с конкретными угрозами (в частности, разработка месторождения никеля, лесные пожары 2010 г. и т.д.)

В-третьих, формирование региональных идентичностей в России носит протестный характер. Это подтвердили исследования А. Анисимовой и О. Ечевской в Сибири, проявляется это и в практической политике Воронежской области – ситуация вокруг Хопёрского заповедника и добычи никеля.

Развитие региональной идентичности в России происходит неравномерно. Мы можем отметить некоторые тенденции Воронежской области, характерные также и для других неэтнических регионов.

1. Несовпадение региона как субъекта Федерации и региона формирующейся региональной идентичности. Эта тенденция проявляется не везде одинаково. Например, она не характерна для Калининградской области и отчасти Карелии (здесь наблюдается процесс тяготения к Финляндии). В то же время

появление «сибиряков», «поморов», «донцов» и других выходит за рамки одного субъекта. В частности, результаты Всероссийской переписи населения показали наличие таких групп, как казаки (которых включили в русских). Так, в Воронежской области эту национальность отметили 291 человек, в Волгоградской области – 18 452, Ростовской – 29 682 человека [9]. Казачество выступает как культурно-историческая группа, проводит казачьи праздники, фестивали, открывает музеи и магазины казачьей одежды и атрибутики. Создаются сообщества, которые включаются в социальную и политическую жизнь региона. Кросс-региональное сообщество, формирующее общую идентичность, может выступать и носителями идентичности другого уровня, например, вернакулярного района. При этом возможно параллельное сосуществование идентичности, определяемой административными границами.

2. Преобладание политической составляющей в региональной идентичности и преимущественно протестный характер консолидации.

Процесс формирования региональной идентичности непосредственно связан с созданием и развитием гражданского общества. Развитие солидарности, местного патриотизма отражается в текущих действиях, создании организаций по защите культурного наследия, природных ландшафтов и других общих ценностей. Сегодня очевиден запрос в регионах на подобную консолидацию общества. При анализе интернет-пространства можно увидеть рост численности таких организаций, групп в различных сетях, чья деятельность не останавливается на виртуальном общении, а выходит в реальную плоскость дел и акций.

3. Формирование региональной идентичности косвенно способствует экономическому и социальному развитию региона, поскольку, используя патриотические чувства, чувство «малой родины», стимулирует предпринимательскую и благотворительную деятельность в собственном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брубейкер Р. За пределами идентичности / Р. Брубейкер, Ф. Купер // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 73–76.
2. Анисимова А. Сибирская идентичность как политическое высказывание / А. Анисимова, О. Ечевская // *Pro et Contra*. – 2012. – № 3 (55). – Май – июнь.
3. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е. В. Еремина // *Регионоведение*. – 2011. – № 3. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/781>
4. Коровникова Н. А. Политическая идентичность России : динамика, факторы, перспективы : опыт постсоветского периода / Н. А. Коровникова // Доклад про-

читан на Шестом Всероссийском конгрессе политологов «Россия в глобальном мире : институты и стратегии политического взаимодействия» (22–24 ноября 2012 г.).

5. Черникова В. В. Становление региональной идентичности в современной России / В. В. Черникова // Государство и общество : взаимодействие или противостояние : материалы Седьмой региональной научной конференции (г. Воронеж, 4 февраля 2013 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. – Воронеж : Истоки, 2013. – С. 511–513.

6. Крылов М. П. К теории региональной идентичности : по материалам Европейской России / М. П. Крылов // Идентичность как предмет полит. анализа : сборник статей по итогам Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. С. Семенов [и др.]. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 215.

7. Смирнягин Л. В. Региональная идентичность и география / Л. В. Смирнягин // Идентичность как предмет полит. анализа : сборник статей по итогам Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. С. Семенов [и др.]. – М. : ИМЭМО РАН, 2011.

8. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности / Л. В. Смирнягин // Пространство и время в мировой политике и междунар. отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ : в 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля ; Рос. ассоциация междунар. исследований. – М. : МГИМО-Университет, 2007. – Т. 2: Идентичность и суверенитет : новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной.

9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – Т. 4. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Воронежский государственный университет

Черникова В. В., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: victoriacher@list.ru

Тел.: 8 (473)221-27-43

Voronezh State University

Chernicova V. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Sociology and Politology Department

E-mail: victoriacher@list.ru

Tel.: 8 (473)221-27-43